

КОНЦЕПЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.)

Дедурич Г.Г. (Харьков)

У статті автором розглядаються основні концепції білоруської державності, що висувалися різними політичними силами Західної Білорусі у міжвоєнний час та їх еволюція. Аналізуючи програмні документи політичних партій та організацій, архівні матеріали автор доходить висновку, що не дивлячись на те, що дані концепції в той час не мали шансів на реалізацію, саме їх існування об'єктивно сприяло зростанню національної самосвідомості білорусів.

Ключові слова: національний рух, національна самосвідомість, Західна Білорусь, білоруська державність.

Одной из центральных проблем в изучении белорусского национального движения в межвоенной Польше является оценка концепций белорусской государственности, предлагавшихся различными его направлениями. Отдельные аспекты данной проблемы затрагивались как исследователями Беларуси, так и Польши. Особое внимание привлекают относительно недавние работы минских историков В. Коршука и Р. Платонова [19], В. Ладысева и П. Бригадина [21], ряд статей польского специалиста Е. Мироновича. Однако состояние исследования вопроса еще нельзя назвать исчерпывающим. Введение в научный оборот новых документальных материалов из архивов Беларуси, Литвы, Польши расширяет горизонты изучения проблемы. В данной статье автор на основе последних работ белорусских и польских историков, и, главным образом, опираясь на опубликованные и архивные материалы, попытается показать эволюцию основных концепций белорусской государственности имевших место во II Речи Посполитой.

Мирный договор, заключенный в Риге 18 марта 1921 года, нанес серьезный удар по идее создания соборной и независимой Беларуси, разделив ее территорию между Польшей и Советской Россией. Однако, и в такой, крайне неблагоприятной для белорусов ситуации, продолжали создаваться и эволюционировать разнообразные концепции белорусской государственности. Больше возможностей для этого было, несмотря на антибелорусскую национальную политику польских властей, в Западной Белоруссии, где политическая жизнь оказалась не столь жестко регламентирована и унифицирована, как это произошло в БССР. В начале 1920-х годов в Западной Белоруссии немалую роль в национальном движении продолжали играть партии, стоявшие у истоков провозглашения 25 марта 1918 года Белорусской Народной Республики – социалисты-революционеры (БПС-Р), социал-демократы (БПСД) и, в меньшей степени, социалисты-федералисты (БПСФ). Ни одна из этих партий не признала легитимности раздела Бела-

руси, призывая своих сторонников продолжать придерживаться концепций белорусской государственности, задекларированных в партийных документах. В программе эсеров она звучала следующим образом: "...Трудовой народ Белоруссии...должен стать на путь революционной борьбы, чтобы осуществить социалистический строй, и только защитив свою независимость, только создав свою независимую Белорусскую трудовую социалистическую республику в этнографических границах, – может войти в состав Мировой федерации всех свободных народов земли" [6, с.63]. О необходимости достижения независимости и объединения всех белорусских земель, говорилось также и в программе социал-демократов, принятой в феврале 1920 года: "...БПСД требует... независимой Белорусской демократической республики, охватывающей все земли, заселенные белорусами в большинстве. БПСД считает, что только такая форма государственного строя Беларуси обеспечит белорусскому народу его социальные и национальные права..." [10, с.369]. Верность своим позициям эсеры, социал-демократы и социалисты-федералисты продемонстрировали на пражской конференции белорусских партий и организаций в сентябре 1921 года. Съезд единодушно осудил условия Рижского договора, признав единственным легитимным законодательным органом действовавшую в эмиграции Раду БНР во главе с В. Ластовским, а вся территория Беларуси объявлялась оккупированной [18, с.126]. Один из лидеров БПС-Р А. Цвикевич прямо заявил, что: "Акту 25 марта, независимой белорусской государственности нет альтернативы" [35, с.54]. Имелось в виду и то, что предлагалось Советской Россией, и туманные перспективы белорусов, оказавшихся в составе Польши. Но нараставшие внутренние противоречия в партиях социалистов-федералистов и социал-демократов, неспособность, в полной мере адаптироваться к новой политической реальности, привели уже в 1922–1923 годах к их распаду [13, с.28]. Немногим дольше на политической арене Западной Бело-

русии продержались и эсеры. В 1924 году партия прекратила свое существование в результате самороспуска. “Попытки революционных белорусских организаций, – говорилось в партийной декларации по этому поводу, – самостоятельно начать борьбу с панской Польшей за социальные и национальные права белорусского пролетариата и крестьянства не приведут к победе, так как капитализм интернационален и победить его одними национальными силами невозможно... Поэтому группа бывших членов БПС-Р считает необходимым вести борьбу с капитализмом... под знаменем компартии...” [1, ф.3, оп.1, д.146, л.7]. Изменения, произошедшие к середине 1920-х гг. во внутринеполютической обстановке Польши, новые внешнеполитические реалии, прежде всего потеря заинтересованности Литвы в поддержке белорусского движения, с которой БПС-Р связывала большие надежды, начало внедрения политики белорусизации в БССР, внесли раскол в ряды эсеров. Не принесла им успеха и ошибочная, как показала практика, ориентация на подготовку масштабного восстания в Западной Белоруссии. Именно таким путем эсеры надеялись достичь воплощения своей концепции белорусской государственности.

Однако, далеко не все белорусские политики в начале 1920-х гг. разделяли взгляды эсеров. Более реалистично оценивая сложившуюся для белорусов ситуацию, часть из них, исходя из того, что борьба на два фронта не имеет никаких шансов на успех, пошла на сотрудничество с польскими властями. Сюда можно отнести таких выдающихся деятелей белорусского движения, как Б. Тарашкевич, А. Луцкевич, А. Станкевич. Это были люди с разными политическими взглядами и ориентациями. В тот момент их объединяло общее понимание того, что добиться даже культурной автономии, не говоря уже о большем, можно только располагая хорошо организованным национальным движением, делающим ставку не на разрозненные, полувооруженные крестьянские отряды, а на полноценное участие в политической жизни польского государства. Уже в ходе предвыборной кампании 1922 года этими силами был создан Белорусский центральный избирательный комитет, возглавлявшийся А. Луцкевичем [29, с.141]. Успешный для белорусов исход выборов позволил им создать Белорусский посольский клуб (БПК), включавший 11 депутатов и 3 сенаторов. Минимум, на который рассчитывали парламентарии, был задекларирован в статуте клуба принятом в 1922 году: “В основу платформы БПК кладется защита прав белорусского населения в границах Польской Речи Посполитой... Создание из всех белорусских земель отдельной автономной единицы с краевым сеймом в Вильно. Выделение белорусских частей с польских воеводств, куда они были присоединены для колонизаторских

целей... Еще до внедрения территориальной автономии белорусских земель БПК требует немедленной национально-культурной автономии для Западной Белоруссии...” [1, ф.3, оп.1, д.207, л.3]. Задачей БПК была выработка и отстаивание новых концепций белорусской государственности, применимых к сложившимся условиям.

Но и такие, очень умеренные требования, предусматривавшие предоставление белорусам хотя бы отдельных элементов собственной государственности, игнорировались Варшавой. Нежелание польской стороны идти даже на минимальные уступки, вышеупомянутые изменения в БССР, а также изначальная разнородность БПК, привели к его внутреннему размежеванию и радикализации, что не замедлило сказаться на интерпретации различными депутатскими группами концепции белорусской государственности. Тот же Б. Тарашкевич уже в 1924 году заявил в сейме: “...Белорусский народ в целом не верит в возможность территориальной автономии, и даже если бы какой-то сейм принял такое постановление, то белорусы не будут доверять той автономии, как и положениям мартовской конституции о защите прав национальных меньшинств” [32, с.235]. Сам Б. Тарашкевич в автобиографии позже писал, что в тот момент разочаровался в возможности успеха путем парламентской борьбы достичь поставленных целей, все больше склоняясь к борьбе классовою [12, с.132].

Его идейной эволюции поспособствовало сближение с сеймовыми послами, стоявшими на левом фланге БПК, прежде всего С. Рак-Михайловским, еще с 1922 года поддерживавшим связи с коммунистами. Логическим завершением этого процесса стало выделение депутатов Б. Тарашкевича, С. Рак-Михайловского, П. Метлы и П. Волошина, ранее уже консолидировавшихся в рамках организационно неоформившейся Белорусской партии независимых социалистов [34, с.224], в отдельную фракцию – Белорусскую крестьянско-рабочую громаду (БКРГ). Это произошло в июне 1925 года. Появление Громады и ее быстрый массовый рост сделала возможным объективной белорусской реальностью того времени. Но тот факт, что эта организация находилась, практически со дня своего основания, в тесной связи с КПЗБ, бесспорен. Это сказалось и на программе БКРГ, в частности на ее видении концепции белорусской государственности. “Отстаивая право народов на самоопределение, БКР Громада считает, что все белорусские земли должны быть собраны и объединены в независимой республике под властью крестьян и рабочих” [9, с.234].

Исходя из всей направленности деятельности данной организации, а также из того, что независимая республика под властью рабочих и крестьян, по их мнению, уже существовала в

рамках ССРСР, можна зробити висновок, що лідери Громады були сторонниками советської концепції белоруської державності. Створена після розгрому БСРГ, по результатам виборів 1928 року, лівая посольська фракція “Змаганне”, також знаходившись під контролем комуністів, в питаннях белоруської державності стояла на позиціях аналогічних БСРГ. “Змаганне” призивало до самоопределення угнетених народів, об'єднанню белоруських земель в єдиній республіці робітників і селян [26, с.96]. Іскрення віра лідерів БСРГ і “Змагання” в те, що об'єднані в складі ССРСР белоруські землі отримуть повноцінну державність, ґрунтувалася на успіхах політики белорусизації в БССР. Її укріплювало і відсутність, по їх мненню, можливостей навіть часткової реалізації ідеї белоруської державності в рамках II Речі Посполитої.

Що ж стосується власне комуністів, то створена в 1923 році Комуністическа партія Західної Белорусії (КПЗБ), як фракція Комуністическої партії Польщі, ізначально не мала чітких концепцій белоруської державності. Позитивне значення в цьому відношенні мала її зливання в кінці 1923 року з Белоруської революційної організацією (БРО), частина членів якої раніше входила в БПС-Р. БРО виступала за советську владу в Західній Белорусії і приєднання її до БССР, яку вважала єдиним легітимним репрезентантом усього белоруського народу [33, с.162]. Подібне бачення концепції белоруської державності було взято на вооруження і КПЗБ. На II партійній конференції в кінці 1924 року, не без впливу т.н. “сецесії”, було прийнято рішення про приєднання всіх зусиль до підготовки вооруженого повстання в Західній Белорусії і приєднанню її до БССР [32, с.229]. Але з середини 1920-х гг., першочерговою задачею для КПЗБ стало завоювання підтримки у польських робітників регіону, що викликало зняття радикальних національних вимог попереднього періоду. Лозунг про право белоруського народу на самоопределення, навіть до приєднання до БССР, набув пропагандистський окраску і вже не сприймався як заклик до конкретних дій. А з кінця 1920-х гг., під впливом зворачивання політики белорусизації в БССР, внутріпартійної догматизації, партія в питаннях белоруської державності, взагалі переходить на нігілістическі позиції. На V пленумі КПЗБ в 1931 році була проведена корективна партійна програма, в результаті якої було збережено вимогу права народів на самоопределення, але знято лозунг про об'єднання Західної Белорусії з БССР [25, с.170].

В середині 1930-х гг., в зв'язі з спробами створення єдиного антифашистського фронту з

белоруськими національними організаціями, КПЗБ спробувала переглянути свої погляди на проблему белоруської державності. Але, так як ніяких суттєвих змін в політиці КПЗБ в національному питанні не відбувалося, і авторитет комуністів в західнобелоруському суспільстві був значно підірваний, особливо доходившою інформацією про репресії проти колишніх лідерів БКРГ і “Змагання”, яких-либо дивідендів компартії це не принесло. В цілому, відношення КПЗБ до проблем белоруської державності не виходило за межі, очерчені Москвою і Мінськом. Це обумовило те, що компартія не мала власних концепцій в цьому питанні, повністю покладаючись на отримуваний зверху наказ.

По іншому представлялося рішення питання про белоруську державність партіями і організаціями національно-демократического напрямку. Їх лідери також були розчаровані в можливості досягнення якогось компромісу з Варшавою, але не розділяли мненія лівих про будівництво “белоруського дому” в БССР і продовжали рахувати на власні сили. “Я швидко переконався, – згадував пізніше В. Рагуля, – що нам нічого чекати від польського сейма...” [27, с.129]. І після розколу БПК он, разом з ще одним депутатом сейма Ф. Яремичем, ініціював створення Белоруського селянського союзу (БСС), призначеного стати протиповесом БКРГ. В своїй програмі БСС в якості одного з основних пунктів позначив вимогу самостійності Білорусії і об'єднання всіх її земель в єдиній державі: “Находячись на ґрунті самоопределення народів, БСС вважає своїм ідеалом незалежність об'єднаних земель Белоруського народу і добросусідські відносини з іншими сусідніми народами, прагнучи до федерації з ними” [3, ф.23, оп.1, д.636, л.2].

Але ця партія не змогла скласти конкуренцію Громаді і після невдач виборів в сейм 1928 року, фактично припинила своє існування, так і не наблизившись до реалізації своєї концепції белоруської державності [17, с.104]. Ідею створення незалежного белоруського державства можна знайти і в програмі Православного белоруського демократического об'єднання (ПБДО), створеного сенатором В. Богдановичем в 1927 році [36, с.224]. Але на перший план цієї організацією виносились питання релігії і положення церкви в державі. Лише в п'ятому пункті партійної програми позначалося: “ПБДО вважає, що правом кожного народу вважається його політична і культурна незалежність. Згідно цьому ПБДО бореться за право белоруського народу на вільне самоопределення” [3, ф.23, оп.1, д.638, л.2]. Як і БСС ПБДО не змогло стати масовою партією і не маючи ніякого впливу

существенной опоры в народе, в начале 1930-х гг., пошло на слияние с христианскими демократами [35, с.56].

Именно эта партия, созданная в мае 1917 года как движение, объединявшее национально сознательных белорусских католических ксендзов, наиболее последовательно отстаивала концепцию создания независимого, соборного белорусского государства [37, с.113]. Уже в первой программе движения, принятой в 1920 году говорилось: "Что касается Родины своей – Беларуси – Х. Демократическое Содружество Беларуси хочет, чтобы она была единой, неделимой и вольной" [7, с.65]. В 1921-26 годах христианские демократы прошли через ряд существенных преобразований. Из католической организации общественно-религиозного характера к концу обозначенного периода она превратилась в политическую партию с приматом национальных интересов над вероисповедальными. Все более конкретные формы приобретало и видение БХД концепции белорусской государственности. Идея независимости оказалась представлена так же на страницах партийной прессы, в выступлениях идеологов партии. К примеру, один из ее основателей В. Годлевский, обращаясь к крестьянству, подчеркивал: "...Все наше крестьянство должно твердо стоять за независимость Беларуси... Борьба за независимость Беларуси должна стать боевым кличем всего сознательного крестьянства нашей Родины!..." [23, с.51].

В момент раскола белорусского национального движения в середине 20-х гг., хадеки еще более четко обозначили свои ориентиры, интерпретируя любые попытки поиска решения белорусской проблемы в рамках политической системы Польши либо СССР как национальное предательство, отдаляющее единственно верное решение проблемы – создание независимой Белой Руси. В редакции партийной программы 1926 года уже четко говорилось, что партия "...стремится к самостоятельности белорусского народа на всех его землях, объединенных в независимую демократическую республику... БХД к своим целям идет дорогой организации, просвещения и поддержки белорусского крестьянства, рабочих и интеллигенции на почве христианско-демократических идеалов и белорусской народной культуры" [2, ф.242, оп.1, д.229, л.70].

Вместе с тем, лидеры хадеков прекрасно понимали насколько сложный, и долгий путь следует пройти белорусам для достижения этой цели. Общий низкий уровень национального самосознания в условиях курса на существенные ограничения прав славянских меньшинств, взятого польскими властями с конца 1920-х гг., и проводившегося под прикрытием борьбы с коммунистической угрозой, еще более усложнило задачу БХД. Поэтому, не снимая лозунга борьбы за независимость, христианские демократы не

скрывали тех трудностей с которыми придется столкнуться белорусскому народу. В апреле 1929 года "Белорусская Крыница" писала: "Если говорить о политической независимости белорусского народа, то, безусловно, мы должны встретиться с доводом, что белорусы в настоящее время не могут добиваться самостоятельности наравне с другими народами, ибо не имеют необходимых сил управления сложным государственным аппаратом..." [15, с.17]. И, как выше отмечалось, это было далеко не единственное препятствие. В 1930-е гг., когда БХД вышла на лидирующие позиции, по сути, во всем западно-белорусском движении, ее отношение к вопросу о характере белорусской государственности, оставалось неизменным. Это подтвердили III (1932) и IV (1934) партийные программы, где по-прежнему в качестве основной цели партии рассматривалась борьба за независимую демократическую республику, которая объединяла бы все белорусские земли [26, с.240].

Надо сказать, что принципиальные позиции хадеков не остались без внимания и в среде польской общественности. Так на страницах "Slowo" от 13 октября 1935 года отмечалось: "...Признаем, что БХД является единственной независимой группой белорусской интеллигенции у нас, которая не находится ни под чьим непосредственным влиянием, хотя ее влияние на массы белорусских жителей в крае все же незначительно..." [4, 1935, №11]. Понимали это и деятели партии, в частности А. Станкевич, ставший инициатором преобразования БХД в Белорусское народное объединение (БНА), призванное сплотить все, к тому времени не разгромленные, белорусские партии и организации. Самой партии это решение далось нелегко, но, обосновывая необходимость изменений в БХД, "Белорусская крыница" четко обозначила будущие приоритеты БНА: "...Общепольская организация не может быть ни христианской, ни атеистической, ни капиталистической, ни коммунистической. Нельзя проблемы духовенства ставить выше идеи независимости..." [4, 1936, №1].

Создание БНА стало логическим завершением эволюции БХД, выразившейся в полном отказе от религиозного характера организации и превращении ее в самостоятельную светскую политическую партию, стремящуюся к консолидации белорусского общества на почве борьбы за реализацию идеи независимого государства. Это в полной мере отражал уже первый пункт программы объединения: "БНА, отстаивая принципы самоопределения народов, стремится к самостоятельности белорусского народа на всех его этнографических землях, объединенных в независимую державу" [8, с.82]. Это же белорусские деятели пытались донести и международной общественности. Так лидер БНА А. Станкевич в своем докладе, который должен был прозвучать

на Женевському конгресі національних меншин 1937 року, але так і не був обнародований, писав: "Провозглашення незалежності (БНР – авт.) стало найважливішим історичним подією: з того часу єдина, вільна і незалежна держава – усвідомлена мета і ідея всього білоруського руху" [30, с.110].

Звичайно, реалізація її представлялася дуже проблематичною, враховуючи настрої, переважали в польських політичних колах середини 1930-х рр., відображені поворотом до національної асиміляції білорусів. Одним з варіантів продовження боротьби за збереження національної ідентичності могло стати створення єдиного фронту всіх білоруських сил, що, безсумнівно, збільшило б потенціал білоруського руху. "Дорогою до піднесення нації, – писала по цьому приводу "Білоруська Крилиця", – повинен бути загальнобілоруський фронт... з усіма політичними партіями і групами, які також дотримуються принципу самоопределення" [4, 1936, №4]. Здалося б, і передумови до цього були, адже пленум КПЗБ в березні-квітні 1936 року, під впливом рішень VII конгресу Комінтерну, прийняв резолюцію засудження національного нігілізму і недооцінку боротьби білоруського народу за повсякденні національні потреби і культуру, домінуючі раніше в діяльності партії [26, с.90]. Однак, як вище вказувалося, реальних змін у національній політиці компартії не відбулося, що зробило неможливим її виступати єдиним фронтом з БНА, який до вересня 1939 року продовжував відстоювати концепцію створення незалежного білоруського державства.

Розглядаючи різноманітні концепції білоруської державності, не можна не відзначити і той факт, що в 1930-х рр. частина білоруських діячів увлелася фашистською і націонал-соціалістською ідеологією, сподівалася на здобуття білоруської державності в результаті нової світової війни і участі в ній Білорусі на стороні країн Антикомінтернівського пакту. На практиці це відобразилося в створенні Білоруської націонал-соціалістическої партії (БНСП) і Білоруського народного фронту (БНФ). У істочках БНСП стояли У. Козловський і колишній діяч Громади і Центросоюзу, Ф. Акінци, з 1933 року почали видавати власний друкований орган "Новий шлях" [20, с.133]. Партія довго не могла організаційно оформитися і лише в 1936 році обнародувала свою програму. Головною політичною метою партії провозглашалася: "...Незалежна і єдина Білоруська держава в її етнічних межах" [5, с.11]. Але чітко виражена прогерманська орієнтація, залучення ідеями фашизму і націонал-соціалізму, в принципі чуждими більшості білоруського населення, зробили

нереальними її честолюбиві плани формування фронту національного єднання з іншими білоруськими партіями, прагнучими до незалежності Білорусі. Так, БНА відкинула пропозицію про спільні дії з БНСП [22, с.70].

Знаходячись фактично в політичній ізоляції, не маючи навіть мінімальної соціальної бази, БНСП, навіть до призупинення її діяльності польськими властями, була не в змоззі впливати на розвиток білоруського національного руху. Ідейно близьким БНСП був Білоруський народний фронт, створений в червні 1936 року В. Годлевським, не прийнявши змін, що відбулися в БХД-БНА і різко критикував будь-які спроби зближення з комуністами, навіть на рівні низових організацій [24, с.82]. БНФ рішення питання про білоруську державність також пов'язував з новою світовою війною. На відміну від білоруських націонал-соціалістів, БНФ не демонстрував такої відкритої прогерманської симпатії. В своїх роботах кінця 1930-х рр. В. Годлевський обмежувався теоретичним обґрунтуванням необхідності здобуття Білоруссю власної державності, не зупиняючись на практичних методах її досягнення. "Без своєї держави, – писав ідеолог БНФ, – нація не має свободи, яку вона потребує для розвитку творчих сил народу, його літератури, науки, мистецтва... Всесторонньо розвивати свої національні цінності нація зможе тільки в власній державі" [16, с.40]. Однак уже перший день війни показав, яким же образом цього планував досягти народний фронт. Його друкований орган "Білоруські фронт" писав: "Білорусь може виникнути тільки при ворожих відносинах Німеччини і Росії. Білоруську проблему можуть поставити на розгляд тільки ті сили, які виступають проти Росії, і для яких розділ Росії був би корисним" [28, с.11]. Таким чином, і БНФ в розв'язанні питання про білоруську державність рахувався на зовнішні сили, вважаючи, що агресія Німеччини сприятиме створенню незалежної білоруської держави.

Незважаючи на антибілоруську національну політику польського державства, в середовищі білоруських діячів і після радикалізації руху в середині 1920-х рр. продовжувала діяти нечисленна пропольська групування, не втрачаючи надії досягти поступки для білорусів, в тому числі і в справі створення національної державності, від властей II Речі Посполитої. Але вона не була єдиною, включаючи такі відкрито пропольські організації, як Временна білоруська рада А. Павлюкевича і створені при ній "Правди" [26, с.58]. Відомі діячі білоруського руху А. Луцкевич і Р. Островський, займаючи ло-

яльную позицию по отношению к польскому государству, не отреклись и от мысли об образовании в будущем единого и независимого белорусского государства. Особенно это касается А. Луцкевича. Его усилиями, накануне предвыборной кампании 1930 года, был создан Центральный союз культурных и хозяйственных организаций (Центросоюз), призванный обеспечить консолидацию белорусских политических сил в преддверии выборов [26, с.239]. Центросоюз выдвигал очень скромные требования, ограничивавшиеся выделением трех северо-восточных воеводств (Виленского, Новогрудского, Полесского) в отдельную территориальную единицу с предоставлением ей автономии [21, с.184]. Хотя в наказе Центросоюза белорусским кандидатам в депутаты польского сейма говорилось, что "... Окончательной целью, к которой должны стремиться все национально сознательные белорусы, является объединение в Независимой Республике всех белорусских земель" [1, ф.3, оп.1, д.197, л.4]. Однако в среде белорусского движения деятельность Центросоюза и его лидеров вызвала резкую критику, как со стороны левых, так и национально-демократических организаций. Он не оправдал возлагавшихся на него создателями надежд.

Немногом более успешно действовало образованное на его основе в 1932 году Товарищество белорусского образования (ТБА) [26, с.189]. Его деятельность носила исключительно культурно-просветительский характер и проблемы белорусской государственности не затрагивала. Примечательно, что в 1934 году в лагере "белорусской санации" произошел раскол, вызванный серьезными расхождениями во взглядах между А. Луцкевичем и Р. Островским, в том числе и в отношении государственности Беларуси. Р. Ост-

ровский занимал все более конформистскую позицию, не желая сотрудничать с другими белорусскими организациями. А. Луцкевич, наоборот, склонялся к необходимости подобного сотрудничества, понимая, что только объединение усилий всех национально-демократических сил, может заставить Варшаву пересмотреть свое отношение к белорусскому вопросу [31, с.688]. Однако, к тому времени позиции А. Луцкевича в национальном движении были безвозвратно утрачены. Его концепция достижения белорусской государственности оказалась нежизнеспособной. В этом он сам, в конечном счете, убедился, позже отметив: "... Попытка компромисса с польскими властями кончилась для белорусской национальной работы крайне неудачно" [11, с.234].

На протяжении всего межвоенного периода политическими партиями и организациями Западной Белоруссии было выдвинуто несколько концепций создания белорусской государственности. Наиболее существенное влияние на развитие национального движения белорусов оказали те, что предлагались национально-демократическими и левыми политическими силами. Концепция последних, представленная КПЗБ, БКРГ, "Змаганне", предусматривала объединение всех белорусских земель под эгидой Советской Белоруссии в составе СССР. В противовес этому, национал-демократический лагерь, чью позицию в концентрированном виде выражала БХД-БНА, призывали бороться за независимую Беларусь на всех ее этнических землях, не подверженную польским либо советским влияниям. Противоборство представителей этих двух концепций, во многом, определило облик белорусского национального движения межвоенной Польши.

1. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства.
2. Национальный архив республики Беларусь.
3. Отдел редкой книги и рукописей библиотеки НАН Беларуси.
4. Информационный бюллетень комиссии по изучению Западной Белоруссии при БелАН /1934 – 1936/.
5. Праграма Беларускай нацыянал-сацыялістычнай партыі // Политические партии Республики Беларусь / Авторы-составители: В.К. Коршук, А.Г. Кохановский, И.Ф. Романовский. – Мн.: Белгосуниверситет, 2004. – С.6-10. – (Материалы для самостоятельной работы студентов; 267 с.).
6. Праграма Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў // Веснік БДУ. – 1994. – №1. – С.62-65.
7. Праграма Уставы хрысціянскай дэмакратычнай злучнасці беларусаў // Веснік БДУ. – 1994. – № 3. – С. 62-65.
8. Праект праграмы Беларускага народнага аб'яднання // Политические партии Республики Беларусь / Авторы-составители: В.К. Коршук, А.Г. Кохановский, И.Ф. Романовский. – Мн.: Белгосуниверситет, 2004. – С.82-86. – (Материалы для самостоятельной работы студентов; 267 с.).
9. Програма Беларускай Крестыянска-Рабочей Громады // Хрестоматія по історыі БССР. – Мн.: БГУ, 1984. – С.234-236.
10. Програма Беларускай партыі социал-дэмакратыі // Історыя Беларусі в дакументах і матэрыялах / Авт.-сост. И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец. – Мн.: Амалфея, 2000.– С.355-372. – (672 с.)
11. Луцкевіч Антон. Да гісторыі беларускага руху / Уклад.: А. Сідарэвіча / Антон Луцкевіч. – Мн.: Беларускае кнігазбор, 2003. – 288 с.
12. Тарашкевіч Б. Аўтабіяграфія / Б. Тарашкевіч // Спадчына. – 1996. – № 4. – С. 92-133.

13. Барыс А. Палітычныя партыі і арганізацыі на Беларусі у першай палове ХХ ст./ А. Барс // Беларускі гістарычны часопыс (БГЧ). – 1998. – №1. – С.26-30.
14. Вабішчэвіч А.М. Асвета ў Заходняй Беларусі: манаграфія / А.М. Вабішчэвіч. – Брэст: Выдавецтва БрДУ, 2004. – 116 с.
15. Воткович Г.Б. КПЗБ в борьбе за интернациональное единство трудящихся / Г.Б. Воткович. – Мн.: Издательство БГУ им. В.И. Ленина, 1975. – 128 с.
16. Гадлеускі В. Публіцыстыка / В. Гадлеускі // Спадчына. – 1993. – № 2. – С. 38-48.
17. Зелинский П.И. Политическая работа КПЗБ в массах (1923 – 1938) / П.И. Зелинский. – Мн.: Университетское, 1986. – 136 с.
18. Игнатенко И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / И.М. Игнатенко – Мн.: Наука и техника, 1992. – 254 с.
19. Коршук В. Государственность Беларуси / В.Коршук, Р.Платонов – Мн.: БГУ, 1999. – 188 с.
20. Ладысеу У.Ф. КПЗБ – арганізатар барацьбы працоўных за дэмакратычныя правы і свабоды (1934 – 1938 гг.) / У.Ф. Ладысеу. – Мн.: БГУ, 1976.– 168 с.
21. Ладысеу У. Паміж Уходам і Заходам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай целаснасці Беларусі (1917 – 1939 гг.) / У. Ладысеу, П. Брыгадзін. – Мн.: БДУ, 2003. – 307 с.
22. Нямкевіч І.В. Гісторыя грамадскіх рухаў і палітычных партый / І.В. Нямкевіч. – Гомель, 2004. – 82 с.
23. Пануцэвіч В. Кс. Вінцэс Гадлеускі / В. Пануцэвіч // Спадчына. – 1993. – № 3. – С. 51-73.
24. Политические партии Республики Беларусь / Авторы-составители: В.К. Коршук, А.Г. Кохановский, И.Ф. Романовский. – Мн.: Белгосуниверситет, 2004. – С.6-10. – (Материалы для самостоятельной работы студентов; 267 с.).
25. Полуян И.В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929 – 1933 гг. / И.В. Полуян. – Мн.: Наука и техника, 1991. – 208 с.
26. Полуян В.А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии / В.А. Полуян. – Мн.: Наука и техника, 1978. – 360 с.
27. Рагуля В. Успаміны / В. Рагуля // Спадчына. – 1994. – № 4. – С.107-127.
28. Сакалоўскі У. Нямеччына й беларускі нацыянальны рух напярэдадні й у першыя гады Другое Сусьветнае Вайны / У. Сакалоўскі, У. Ляхоўскі // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 2000. – Z.13. – S.5-21.
29. Сидоревич А. Антон Луцкевич / А. Сидоревич // Неман. – 1990. – №7. – С. 91-167.
30. Станкевіч А. Беларусы як нацыянальная меншасць у Польшчы / А. Станкевіч // БГЧ. – 1995. – № 2. – С. 109-119.
31. Bergman A. Antoni Luckiewicz (1884 – 1946). Szkic biograficzny / A. Bergman // Przegląd Historyczny (PH). – 1974. – № 4. – S. 667-697.
32. Bergman A. Kwestia białoruska w komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi / A. Bergman // (PH). – 1971. – № 2. – S. 225-250.
33. Bergman A. Przyczynki do historii Białoruskiej Organizacji Rewolucyjnej / A. Bergman // PH. – 1977. – № 1. – S.157-170.
34. Buszko J. Historia Polski (1864 – 1948) / J. Buszko. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. – 476 s.
35. Mironowicz E. Politycy i społeczeństwo białoruskie II Rzeczypospolitey wobec idei własnego państwa / E. Mironowicz // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 1998. – Z.9 – S. 50-57.
36. Papierzynska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918 – 1939 / M. Papierzynska-Turek. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 484 s.
37. Stankiewicz A. Białoruski Chryścijański ruch / A. Stankiewicz. – Wilnia: Chryścijańska dumka, 1939. – 272 s. (Historyчны нарыс).

РЕЗЮМЕ

КОНЦЕПЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921 – 1939 гг.)

Дедурич Г.Г. (Харьков)

В статье рассматриваются основные концепции белорусской государственности, выдвигавшиеся различными политическими силами Западной Беларуси в межвоенный период и их эволюция. Анализируя программные документы политических партий и организаций, архивные материалы, автор приходит к выводу, что хотя данные концепции в то время не могли быть реализованы, само их существование объективно способствовало росту национального самосознания белорусов.

Ключевые слова: национальное движение, национальное самосознание, Западная Беларусь, белорусская государственность.

SUMMARY

CONCEPTIONS OF THE BELARUSSIAN STATEHOOD IN PROGRAMS OF POLITICAL PARTIES AND THE ORGANIZATIONS OF THE WESTERN BYELORUS (1921 - 1939)

G. Dedurin (Kharkov)

Basic conceptions of the Belorussian state system, pulled out different political forces of Western Belarus in an intermilitary period and their evolution, are examined in the article. Analyzing the position papers of political parties and organizations, archived materials, an author comes to the conclusion, that although these conceptions at that time could not be realized, their existence was objectively instrumental in growth of national consciousness of Belorussian.

Key words: national movement, national consciousness, Western Belarus, the Belarusian statehood.

УДК 930(437+438) «XVI–XIX»Бибо

ПРОБЛЕМЫ ЧЕШСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В РАБОТЕ И. БИБО "О БЕДСТВИЯХ И УБОЖЕСТВЕ МАЛЫХ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ"

Стыкалин А.С. (Москва)

Відомий угорський політичний мислитель Іштван Бібо (1911 – 1979) у своїх роботах другої половини 1940-х років намагався осмислити історичні витоки найгостріших національно-територіальних суперечок, що проявилися в роки другої світової війни на територіях, успадкованих від монархії Габсбургів. Одночасно він міркував і над конкретними способами їхнього вирішення. Бібо прийшов до висновку про закономірності ліквідації історичних кордонів у регіоні, успадкованих від середньовіччя (включаючи межі Королівства Угорщини). Віддаючи перевагу етнічному принципу перед історичним при визначенні післявоєнних кордонів, він у той же час, узяв під сумнів доцільність здійснення штучних проєктів по створенню етнічно чистих держав у регіоні, що припускало масове переселення народів.

Ключові слова: Іштван Бібо, Угорщина, Чехословаччина, Польща, Середня Європа, кордони, друга світова війна, національно-територіальні суперечки.

Среди оригинальных центральноевропейских мыслителей XX века, чье творчество становится известным заинтересованному российскому и украинскому читателю только в последнее десятилетие, одно из важных мест занимает венгерский политолог Иштван Бибо (1911–1979)¹. Юрист по образованию, он в течение ряда лет был стипендиатом в Вене и Женеве. Вернувшись в Венгрию, занимался при хортизме адвокатской практикой, работал в суде, с 1940 г. состоял приват-доцентом политических наук и права в университетах городов Сегеда и Коложвара (ныне Клуж-Напока, Румыния). Свои первые серьезные работы по теории права он написал в середине 1930-х годов, однако либеральная направленность этих исследований затрудняла их публика-

цию в условиях хортистского режима. Осенью 1944 г., после захвата власти нилашистами, арестовывался за содействие спасению преследуемых евреев. В 1945 г., когда в Венгрии на короткий срок установилось коалиционное демократическое правление, Бибо, более года возглавлявший разные отделы в министерстве внутренних дел, выступил с инициативой реорганизации системы административного (в частности, муниципального) управления Венгрии. Его рациональные, по достоинству оцененные только в посткоммунистическое время проекты, не могли быть воплощены в условиях обострившейся межпартийной борьбы, в которой все более задавала тон опиравшаяся на разностороннюю поддержку СССР компартия, к середине 1948 г. вытеснившая своих конкурентов и фактически монопольно утвердившаяся у власти. Наряду с административной и научной деятельностью во второй половине 1940-х годов Бибо (в 1946-1950 гг. профессор Сегедского университета и один из руководителей Института Пала Телеки в Будапеште, важного центра политической и исторической науки в Венгрии тех лет) активно занимался публицистикой. Его статья "Кризис венгерской демократии" (1945) положила начало

¹ Первая большая подборка работ И. Бибо на русском языке была опубликована в Будапеште в 1991 г. в специальном выпуске издававшегося в то время в Венгрии русскоязычного общественно-научного журнала "Венгерский меридиан" [2, 1991, № 2]. Отдельные статьи и прочие тексты Бибо публиковались в других изданиях. В 2004-2005 гг. московское издательство «Три квадрата» выпустило в серии «Bibliotheca Hungarica» две книги И. Бибо: [6; 7].